

Федор Абрамов
СОЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Беседу ведет Б. Литвак

Б. Литвак. Премьера – всегда событие, премьера «Дома» в архангельском театре – событие особое. Для театра эта премьера вдвойне особая, потому что присутствие Федора Александровича Абрамова в зале вызывает, конечно, у актеров огромное эмоциональное напряжение.

И вот, Федор Александрович, поскольку Вы, наверное, самый строгий критик для театра, как автор, хотелось бы в первую очередь сразу спросить: не разочарованы ли по крайней мере тем, что побывали на спектакле, увидели своих героев на сцене нашего театра?

Ф. Абрамов. Естественно, это правильно сказано: автор, конечно, самый строгий критик, самый строгий судья своего произведения и особенно его воплощения на сцене. Должен сказать, что в Архангельск на просмотр премьеры «Дома» я ехал с чувством робости и некоторого страха. Мне очень хотелось, чтобы именно на архангелогородской сцене этот спектакль получился и чтобы он был встречен с самыми добрыми чувствами моими земляками!

Тревога, страх и некоторая нервозность были вызваны еще и другими причинами. Переложить роман, да такой сложный, многоплановый, многопроблемный, как «Дом», на язык сцены – очень трудно. Очень трудно... Были немалые опасения – как же справятся с романом актеры? Дело в том, что в Архангельском областном театре осуществляется важный для меня и единственный в своем роде эксперимент: один и тот же коллектив артистов играет два моих спектакля. Во-первых, «Две зимы и три лета» – события в нем происходят сразу же после войны. «Дом», действие которого разворачивается в начале семидесятых, а точнее, в семьдесят втором году, но герои те же. Вот временной разрыв... Более двадцати лет! Или по крайней мере двадцать лет! Справятся ли актеры с этим? Сумеют ли они отделить себя этой многолетней дистанцией? Скажем, Михаил, Лизвета... Там они, в «Двух зимах...» вступали в жизнь молодыми, юными, с открытыми на встречу жизни глазами, много ожидающим и, с романтическим ореолом. А тут люди, за плечами которых двадцать лет... и какой жизни? Жизни насыщенной, жизни многотрудной, сложной. Жизни, в которой были великие радости и свои трудности и... жизни сегодняшней, настоящей, с целым рядом своих проблем. Вот этот временной разрыв, временной порог сумеют ли преодолеть одни и те же артисты? Сумеет ли, скажем, (Лизка) артистка Новоструева – сыграть юную, пятнадцатилетнюю, восемнадцатилетнюю Лизку и явить в другом спектакле, в «Доме», женщину, которой уже под сорок лет. Это была трудность... немалая.

Справился ли с этим коллектив театра, получился ли спектакль? Мне кажется, что в общем спектакль получился. Зритель очень заинтересованно относится к спектаклю, я был свидетелем... Очень реагирует на то, что делается на сцене. Но, конечно, думать, что сейчас уже спектакль представлен в идеальном виде, – это заблуждение!..

Б. Литвак. Всего три спектакля только...

Ф. Абрамов. Да! А спектакль... спектакль обычно складывается... ну, к десятому, к двенадцатому, иногда более позднему представлению. Приходится выверять, что-то

убирать, что-то, наоборот, вносить, привносить, что-то прояснять, что-то отодвигать на задний план...

У меня есть свои замечания по спектаклю. Они касаются оформления спектакля, касаются сценария спектакля – не будем забывать, что спектакль поставлен по роману, а перенести прозу на сцену – всегда трудно. Есть какие-то замечания и по игре актеров, но мне кажется, что основа спектакля есть, она добротная. Главный режиссер театра Эдуард Семенович Симонян и артисты-архангелогородцы в состоянии довести этот спектакль до нужной кондиции. Что меня порадовало в этом спектакле особенно? Его, я бы сказал, оптимистическое, жизнеутверждающее значение.

Вы знаете, что роман говорит о сложных вопросах нашего бытия, о нашей жизни в доме каждого человека и в то же время в доме, имя которому – Родина, наша страна! «Дом» предстает с большими и сложными проблемами сегодняшнего советского бытия. В спектакле легко где-то впасть в перекося, сгустить краски.

Мне кажется, что этого не произошло. Мне кажется, что зритель выходит со спектакля окрыленным, возрожденным человеком, в котором приведены в боевое действие гражданские чувства, все те качества, которые нужны для того, чтобы двигать нашу жизнь, чтобы делать дела, в которых нуждается страна, в которых нуждаемся все мы.

Б. Литвак. Если Вы даете такую оценку то можно считать, что основную свою функцию спектакль выполняет... В романе и спектакле возникает тема активного, делового человека, хотя, бесспорно, нравственная позиция – это основное, наверное... Насколько это соприкасается, Федор Александрович? Диалектические ли понятия «деловитость» и «нравственность»?

Ф. Абрамов. Ну, что значит «диалектические понятия»? Давайте говорить проще! Эти понятия – и деловитость и нравственность – неразрывные понятия, взаимосвязанные понятия. Не может быть делового человека, человека, который работает в полную меру своих сил, если он несостоятелен в нравственном отношении, если он духовно нищ. И наоборот. Истинная отдача в труде, работе, она, как правило, всегда сопутствует тем людям, которые в духовном отношении являются людьми достаточно зрелыми, развитыми! Вообще проблема нравственности и деловитости – это проблема для русской литературы и для русского общества, если хотите, даже самая извечная. Она широко дебатировалась еще в XIX веке, на протяжении всего XX века. И общее требование, общий смысл проблемы – нам, русским людям, которые обладают многими великолепными качествами, у которых бесподобный душевный размах, удал, людям, которые способны на штурм неба, нам часто не хватает способности к практическим делам, к делам повседневным...

О деловитости, о производительности труда, о том, что новое общество, советское общество, может победить старое, если оно покажет образцы производительности труда, высший труд, высшую красоту труда, – об этом красноречиво говорил вождь нашей революции Ленин. Вопрос о сочетании русского размаха (есть такое понятие) и деловитости (иногда называли – «американская деловитость», иногда – «европейская деловитость») всегда стоял в повестке дня русской литературы, он по-своему стоит, конечно, и сегодня. Мы хотим взрастить человека, воспитать, поднять человека, который является человеком образцовым в труде, в работе, который способен делать великолепные товары, великолепные вещи, хорошо работать, азартно и качественно! И вместе с тем мы хотим, чтобы это был не деляга, не практик узколобий, который дальше своего верстака

или гайки ничего не видит. Нет! Мы хотим, чтобы это был человек широких взглядов – гражданских, политических, больших человеческих чувств, доброго, отзывчивого сердца, был носителем интернациональных чувств, братской любви к другим народам. Был защитником всего живого, всего сущего на земле. Это один из центральных вопросов, который ставится в спектакле и в моем романе «Дом».

Б. Литвак. И образом Михаила?

Ф. Абрамов. Прежде всего! Прежде всего в центре всего пряслинского цикла (пряслинский цикл – это четыре романа) пряслинская семья. Семья, которая за многолетнюю историю претерпела тоже немало. Там есть свои потери. Но вместе с тем семья, которая является воплощением духовного здоровья, воплощением жизнелюбивых, жизнестойких сил, которые присущи нашему народу и, конечно, Пряслиным, несмотря на то, что у каждого из них своя судьба, что каждый из них, мне кажется, очерчен по-своему, так сказать, со своим лицом. Пряслины, которые, как все живые люди, имеют и свои слабости. Пряслины – это соль нашей земли! Не потому, что я породил их. Нет! Они живут, они повсеместно рассеяны, по всей нашей необъятной Родине, и они та могучая опора, на которой держится наша земля. Это воплощение вместе с тем и нравственного здоровья. Пряслины – борцы! Их жизнь так сложилась, что у них нет и образования должного, они где-то с шестилеткой, семилеткой, ведь они-то росли в самые трудные годы, в годы войны, в послевоенные годы. Но вместе с тем они настоящие работники. Они – люди высокой совести и совестливости, больших чувств, и вместе с тем, конечно, у них есть какие-то свои слабости, как у каждого человека. Мне кажется, что Пряслины, если переводить на такой литературоведческий язык, это, конечно, герои времени, положительные, в полном смысле положительные герои времени. И недаром, помнится, когда вышли «Две зимы и три лета», «Комсомольская правда», молодежная газета, тогда у видела в них, в этой семье, здоровое, положительное начало нашей общественной, гражданской жизни. «Комсомольская правда» выступила тогда с огромной, чуть ли не во всю полосу статьей «Живут Пряслины!». И, конечно, пряслинский дух по-своему проявляется в других героях, и он заражает зрителя, дает какой-то заряд энергии зрителю, потому что, повторяю, это не просто равнодушные, безразличные люди! (А их у нас, к сожалению, немало развелось за последние годы.) Нет! Это активные бойцы! Каждый, пусть на своем маленьком месте, но это бойцы! Это люди, влюбленные в жизнь! Это люди, не терпящие всякой пакости и подлости и всеми своими силами искореняющие их!

Б. Литвак. Федор Александрович, мне кажется, что их в этом спектакле объединило одно качество: они тянутся ко всему высокому, по-настоящему красивому, по-настоящему нравственному. Поэтому, видимо, не случайно такой отзвук в спектакле имеет сцена, когда Михаил ведет брата не куда-нибудь, а в дом к Дунаевым, чтобы послушать Евдокию.

Ф. Абрамов. Дунаевы ... Три главы о них, которые называются «Из жития Евдокии-великомученицы». Чета престарелых Дунаевых: старого коммуниста, старого большевика, одного из тех, кто делал революцию, причем из тех, кто вышел из самых низов народа, и его жены. Они занимают особое место в системе всего романа. Роман так построен, что в самой истории этих двух людей в какой-то мере предстает вместе с тем история нашего государства, история нашей страны в ее взлетах, в ее радостях и в то же время в каких-то провалах, в каких-то горестных страницах, даже в немалых страданиях, жертвах, которые выпали на предшествующее поколение. Я повторяю, что этой семье, чете Дунаевых, придаю особое значение. Калина Иванович, который прошел бог его знает через какие

сложности нашего бытия, до конца остается верным идеалам своей молодости. И, удивительно, он очень мало говорит на сцене, но бывают минуты, когда он собой заполняет всю сцену. Он – духовный центр сцены. Вот это очень важно, такое сценическое прочтение романа. Ну и, конечно, вся история этой семьи, а значит, в какой-то мере история большинства людей того времени предстает в колоритном, на мой взгляд, своеобразном рассказе Евдокии, Евдокии – верной спутницы мужа, которая в свое время еще девчонкой была увлечена его идеалами всечеловеческого братства, прекрасного устройства жизни на земле и которая проходит с ним через всю жизнь. Они очень духовно насыщены, эти люди. Они живут по большому счету. Калина Иванович и вместе с ним Евдокия прожили жизнь, они старики глубокие, они стоят на пороге ухода из этой жизни, но они прожили большую жизнь с трудностями и со сложностями, с великой верой во все прекрасное! И они жили, понимаете ли, всегда на переднем крае, и они делали все для торжества самых добрых, самых великих идеалов, которыми жила наша страна, живет человечество. Ну и, естественно, к носителям такой правды, к носителям такого великого духа, к людям такой истории, конечно же, к людям, воплощающим живую историю нашего государства, тянется и Михаил с его взыскательной совестью. Тянутся его братья, вся пряслинская поросль тянется. И, конечно, они составляют духовный центр романа... Потому, что современность в романе соотносится с историей, живым воплощением которой является эта чета стариков.

Б. Литвак. Федор Александрович! В разговоре с актерами Вы охарактеризовали Евдокию даже в более превосходной степени, чем Калину. Вы сказали, что это великий характер.

Ф. Абрамов. Я бы не стал противопоставлять Евдокию Калине. Калина хорош по-своему. Калина – это тот свет, та свеча, тот маяк, который озарял жизнь Евдокии и увлекал ее вперед. Евдокия – это живое воплощение многих и многих миллионов, которые прошли под тем знаменем, которое несли Калины Ивановичи Дунаевы. И, конечно, в этом смысле Евдокия, которая, бог его знает, прошла через какие рубежи, перевалы, кручи, горные вершины нашей истории, которая хватила сполна лиха и отведала в то же время радостей немалых. Не надо перечеркивать нашу историю, как это часто делают. Конечно же, для меня и Евдокия, при всей ее неграмотности – яркая натура. Это великий человек, великая женщина! И вот вы говорите о русской женщине. Да! Это один из типов русской женщины.

Вообще должен сказать, что к русской женщине я, как писатель, равнодушен. С особой какой-то радостью, прилежанием, с каким-то особым сыновним уважением и восхищением пишу о русской женщине. Или – я позволю себе сказать проще – о русской бабе. Нет в этой кличке ничего зазорного, потому что русская баба – это и русская женщина, это и труженица великая, это и... тот человек, который за войну и после войны работал за мужика, недаром в нашей частушке услышишь (народ никогда не ошибается): «Вот и кончилась война, и осталась я одна, я и баба, я и бык, я и трактор и мужик». Грубо сказано... Но в этой частушке коротко, в сгущенном виде отражена действительно подвижническая жизнь русской бабы. Бабы, которая осталась без мужика, которая из руин подымала страну. Мало того, что она во время войны недоедала, работала за себя, за мужика, и брата, за тех, кто был на фронте! Мало того, что на нее сыпались эти страшные похоронки! Она, русская баба, а ведь, скажем прямо, в деревне, во многих деревнях ни одного мужика не вернулась, а во многие деревни полтора, два, два с половиной мужика вернулись! И вот русская баба снова после войны, – казалось бы, все исчерпано, нет сил, –

она находит снова в себе силы для того, чтобы снова подняться, чтобы снова кормить страну, отстраивать, поднимать из руин, из пепелища наши разрушенные, опустошенные города и воспитывать, воспитывать безотцовщину, имя которой, так сказать, – послевоенное поколение. Вот... Это великий подвиг! Я не говорю о том, что она еще кормила государство; налоги, которые сейчас крестьянин платит, так это символический носят характер. Ведь тогда непомерные были налоги! Это все выплачивала главным образом русская баба! Ну и не только русская баба, конечно, и по всей стране тоже, но мне особенно русская женщина близка, и, конечно, это был великий подвиг, – великий подвиг, который, может быть, не оценен. Всю войну твердили об открытии... второго фронта! Правильно, нужен был второй фронт, и мы его дождались, кажется, только в сорок четвертом году, но ведь, по существу, этот второй фронт, в котором так нуждалась наша страна, армия, ведь этот фронт, по существу, открыла русская баба своей неистощимой работой, своей неистощимой стойкостью, своей способностью к тому, чтобы выдержать, вынести небывалые испытания, которые выпали на долю нашей женщины, и в первую очередь женщины-крестьянки. Ну и, конечно, так сложилось, что я везде, во всех своих произведениях, сочинениях так или иначе всегда прежде всего отдаю поклон русской женщине. Я уверен в том, что придет время, когда одним из самых великолепных и удивительных памятников на Руси будет памятник, воздвигнутый во имя подвига, в память о военном подвиге русской бабы и ее послевоенном подвиге.

Хочу еще добавить, что активность русской советской женщины, в частности северянки, не исчерпалась на войне и в первые послевоенные годы, которые принято звать послевоенным лихолетьем. Нет. Я каждый год бываю в родной деревне, много езжу по стране. Должен сказать, что часто наиболее активным элементом нашей жизни, самым неравнодушным человеком остается русская женщина. Может быть, потому, что она детей рождает, растит, поэтому особая ответственность у нее за жизнь, то ли еще по каким причинам, потому что она хозяйка очага, тепло в доме от нее исходит, из ее рук, но сегодня она наиболее активна, наша русская женщина, в частности северянка.

В наших деревнях она наиболее активная сила, светоносная, живая, отзывчивая на все хорошее. Ну, вот самодеятельность ... Ни для кого не секрет, что сегодня песня заглохла на селе и частушек уже не поют. Но самодеятельность есть. Кто в самодеятельности? Женщины. А мужики в это время часто заняты, так сказать, созерцанием истины, которую они пытаются найти в сосуде с узким горлышком. Так что женщине иногда на сцене приходится мужика играть, хотя сегодня северная деревня, моя пинежская деревня на безлюдье, на отсутствие мужской рабочей силы или мужиков не может пожаловаться. Наоборот, сегодня у нас на Пинеге другая проблема, и проблема во многих других деревнях, – проблема невесты!.. Я отнюдь не хочу – мужики сейчас тоже слушают меня, – я не хочу мужиков перечеркивать, есть прекрасные из вас люди, и я знаю, могу назвать десятки, сотни... Но восхищение мое всегда перед женщиной, потому что, повторяю, она как являлась в старину, так и сегодня по-прежнему является тем человеком, который выдерживает час то и семейные трудности и трудности общественные, и человеком, который светит всем, от которого, так сказать, исходит свет.

Б. Литвак. Активность – это та цель, к которой идет автор в своем романе, а театр за ним, ставя спектакль. И вы знаете, Федор Александрович, что самое любопытное?.. Я хочу вам сказать о первом спектакле «Дома». Это вообще довольно любопытно для нашего зала... У нас прекрасные люди – северяне, великолепные, эмоциональные, отзывчивые, очень добрые... но внешнее выражение реакции всегда очень скупое, очень

сдержанно. Аплодисменты в середине спектакля вообще большая редкость в нашем зале театральном. А вот на спектакле «Дом» через каждую сцену звучали аплодисменты, потому что, наверное, попадали в самое больное, 'в самое главное.

Ф. Абрамов. Ну, что касается скупости северян, северного зрителя, – это, пожалуй, правда. Северянин, в общем-то, скуп на внешние жесты, на всплеск эмоций. Он, конечно, человек внутренней жизни, душевной жизни, и это делает особенно красивым северянина. Но, конечно, конечно, было бы лучше, если бы реакция, скажем, архангельского зрителя была более эмоциональной. А я наблюдал не раз на других спектаклях, – она бывает приглушенная, она застенчивая бывает, стыдливая в своем выражении. И, может быть, это хорошо, но привыкнуть человеку, скажем, приехавшему из центра или еще откуда-нибудь, очень трудно. И очень трудно артистам.

Артисты нуждаются в чем? В том, чтобы их постоянно «подпирали» зрители своими чувствами, чтобы реагировали, чтобы актер находил отклик, отзвук сразу. Да... чтобы сразу. Совершенно верно, что актера питает только энергия, идущая из зала. Это закон театра! Казалось бы, с одной стороны, артисты делают великий посыл духовной энергии, просто выстреливают в зал. Но, чтобы это сделать, они должны получать немедленно, в сию же минуту, в тот же момент, в сей же час ответную реакцию зала...

Это, к сожалению, у архангельского зрителя не всегда получается, и работать с ним, видимо, артистам нелегко. Но... нечего пенять, коли... Не буду продолжать... Только ли дело в зрителе?? Я думаю, что... вероятно, тут немалая вина ложится и на артистов. Артисты для того и артисты, чтобы возбудить, взбудоражить зал, накалить его своими гражданскими человеческими чувствами, чтобы в них возжечь человеческое, в каждом человеке поднять человеческое! Пробудить в человеке человеческое. Вот, в конце концов, задача всякого искусства, в том числе и театра! Накалить! Всегда ли справляются артисты с этим? Я думаю, что нет... И поэтому, предъявляя требования к зрителю, прежде всего мы должны предъявить требования к себе самим. Да!.. Если наши души артистические, и писательские, и творческие, пусты, если мы не горим огнем гражданственности, если в наших душах нет желания бороться за все лучшее и если сердца наши мертвы, как же мы... Я говорю, в общем, совершенно понятные и банальные вещи.

Б. Литвак. Нет! Это не банальные, а основополагающие вещи.

Ф. Абрамов. Я думаю, что сегодняшняя наша беседа – она должна иметь практический результат. Не только мы беседуем со зрителями, которым интересно, что там делается в Архангельском областном театре. Вместе с тем мы должны сделать какие-то конструктивные выводы и для себя. Мне кажется, один из этих практических выводов заключается в том, чтобы творческий коллектив театра, артистический, режиссер... повысили требования и к себе. Воспитывать гражданина и человека можно только в том случае, если ты сам в высшей степени гражданин и человек!

Вот требование, которое должно быть предъявлено и к артистам и ко всем творческим работникам...

Источник: Соль земли русской / Федор Абрамов ; беседу ведет Б. Литвак // Современная драматургия. – 1984. – № 2. – С. 236-238.